

Николай Богданов «Самый храбрый»

На фронте стояло затишье. Готовилось новое наступление. По ночам шли поиски разведчиков. Прослышав про один взвод, особо отличившийся в ловле языков, я явился к командиру и спросил:

— Кто из ваших храбрецов самый храбрый?

— Найдется таковой, — сказал офицер весело; он был в хорошем настроении после очередной удачи. Построил свой славный взвод и скомандовал: — Самый храбрый — два шага вперед!

По шеренге пробежал ропот, шепот, и не успел я оглянуться, как из рядов вытолкнули, подтолкнули мне навстречу храбреца. И какого! При одном взгляде на него хотелось рассмеяться. Мужичок с ноготок какой-то. Шинель самого малого размера была ему велика. Сапоги-недомерки поглощали немало портянок, чтобы не болтаться на ногах. Стальная каска, сползавшая на нос, придавала ему такой комичный вид, что вначале я принял все это за грубоватую фронтовую шутку. Солдатик был смущен не менее, чем я.

Но офицер невозмутимо сказал:

— Рекомендую, гвардии рядовой Санатов. Товарищ, достойный хорошей заметки.

По команде «вольно» мы с Санатовым сели на бревна, заготовленные для блиндажа, а разведчики расположились вокруг.

— Разрешите снять каску? — сказал Санатов неожиданно густым баском. — Мы думали, нас вызывают на боевое задание.

Он стал расстегивать ремешок с подбородка, которого не касалась бритва, а я внимательно разглядывал необыкновенного храбреца, похожего на застенчивую девочку-подростка, переодетую в солдатскую шинель. Чем же он мог отличиться, этот малыш?

— Давай, давай, рассказывай, — подбадривали его бойцы. — Делись опытом — это же для общей пользы. Главное, расскажи, как ты богатыря в плен взял. — Вы добровольцем на фронте? — спросил я для начала.

— Да, я за отца. У меня отец здесь знаменитым разведчиком был. Его фашисты ужасно боялись. Даже солдат им пугали: «Не спи, мол, фриц, на посту, Санатов возьмет». Он у них языков действительно здорово таскал. Даже от штабных блиндажей. Гитлеровцы так злились, что по радио ему грозили: «Не ходи к нам, Санатов, поймем — с живого шкуру сдерем».

— Ну, этого им бы не удалось! — воскликнул кто-то из разведчиков.

— А вот ранить все-таки ранили, — сказал юный Санатов, — попал отец в госпиталь. Обрадовались фашисты и стали болтать, будто Санатов их напугался, носа не кажет, голоса не подает. А голос у моего отца, надо

сказать, особый, как у табунщика, — улыбнулся Санатов, и напускная суровость исчезла с его лица. — У нас деды и прадеды конями занимались, ну и выработали, наверное, такие голоса... наводящие страх. Отцовского голоса даже волки боялись. И вот, как не стал он раздаваться по ночам, так и обнаглели фашисты. Приехал я вместе с колхозной делегацией: подарки мы привезли с хлебного Алтая... И услышал, как отца срамят с той стороны фашистские громкоговорители.

— Было, было такое, — подтвердили разведчики. — Срамили.

— Вот в такой обстановке колхозники и порекомендовали: оставайся, мол, Ваня, пока батя поправится, неудобно, нашу честную фамилию фашисты срамят. Подай за отца голос.

— Командир вначале сомневался, глядя на рост его, — усмехнулись бойцы.

— Ну, я вижу такое дело, как гаркну внезапно: «Хенде хох!» — И Санатов так гаркнул, что по лесу пошел гул, словно крикнул это не мальчишка, которому велика солдатская каска, а какой-то великан, притаившийся за деревьями.

Я невольно отшатнулся.

— Вот и командир также. «Эге, — говорит, — Санатов, голос у тебя наследственный. Оставайся». И я остался. Вот так я кричу, когда первым открываю дверь фашистского блиндажа.

— Почему же первым именно вы?

— Потому что я самый маленький ростом. А ведь известно, когда солдат с испугу стреляет, он бьет без прицела, на уровне груди стоящего человека. Вот так.

Санатов встал и примерился ко мне. Его голова оказалась ниже моей груди.

— Вам бы попали в грудь, а меня бы не задело. Это уж проверено. Мне потому и поручают открывать двери в блиндаже, что для меня это безопасней, чем для других. У меня над головой пули мимо летят. И потому работаем без потерь.

Не без удивления посмотрел я на солдата, так умело использовавшего свой малый рост.

— Ну, а с богатырем-то как же? Тоже на голос взяли?

— Давай рассказывай, как ты его, — подбодрили солдаты.

— Тут до богатыря дел было, — задумался Санатов, — натерпелся я с этими дураками. Ведь им жизнь спасаешь, а они... Один часовой меня чуть не зарезал...

— Вы и на часовых первым бросаетесь?

— Да, потому что я очень цепкий... Это у меня с детства выработалась привычка держаться за шею коня. Мы ведь, алтайские мальчишки, все на

неоседланных да на диких. Вцепишься, как клещ, и как он, неук, ни вертится, ни скачет, какие свечки ни дает, нашего алтайского мальчишку нипочем с себя не сбросит.

— Но при чем же тут...

— А вот при чем, — вы встаньте, а я вам на шею внезапно брошусь и обниму изо всех сил... Что вы станете делать?

Я уклонился от испытания. Видя мое смущение, кто-то из разведчиков объяснил:

— Иные с испугу падают.

— Другие стараются удержаться на ногах и отлепить от себя это неизвестное существо. Забывают и про оружие. Забывают даже крикнуть.

— Ведь это все ночью. Во тьме. На позиции. Непонятно и потому страшно.

— Ну и пока немец опомнится, мы ему мешок на голову — и потащили.

Так объяснили мне этот прием разведчики, пока Санатов был в задумчивости.

— А вот один фашист ничуть даже не испугался, когда я кинулся к нему на шею. Здоровый такой, как пень. Только немного покачулся. Потом прислонился к стене окопа и не стал меня отлеплять, а, наоборот, покрепче прижал к себе левой рукой, а правой спокойно достал из-за голенища нож. Достал, пощупал, где у меня лопатки. Да и ударил. В глазах помутилось. Думал — смерть... А потом оказалось, что он ножны с кинжала забыл снять... Аккуратный был, фашистский бандит, острый кинжал и за голенищем в ножнах хранил, чтобы не порезать брюк. Только это меня и спасло. — Санатов даже поежился при страшном воспоминании.

— Ну, и взяли его?

— А как же, наши не прозевали. В мешок. Крикнуть-то он тоже не то забыл, не то не захотел, на свою силу-сноровку понадеялся.

— Ну, да наша сноровка оказалась ловчей, — усмехнулся разведчик, жилистый, рослый, рукастый.

— А еще один дурак чуть мне все легкие-печенки не отшиб, — вспомнил с грустной улыбкой Санатов. — Толстый был, как бочонок. От пива, что ли. Фельдфебель немецкий. Усищи мокрые, словно только что в пиве их мочил. Бросился я ему на шею, зажал в обнимку, пикнуть не даю. Он попытался отцеплять. Ну, где там — я вцепился, как клещ, вишу, как у коня на шее. И что же он сообразил: стал в окопе раскачиваться, как дуб, и бить меня спиной о бруствер. А накат оказался деревянный. Бух, бух меня горбом — только ребра трещат... Хорошо, что я не растерялся. Воздух побольше набрал в себя, ну и ничего, воздух спружинил. А то бы раздавил, гад. У меня ведь

костяк не окреп еще, как у отца. Он тоже ростом невелик, но в плечах широк и кость — стальная... Так что мне за него трудней в этих делах...

— Ас великаном?

— Ну, с этим одно удовольствие получилось... Попался он мне уже после того, как я достаточно натерпелся... стал больше соображать, как лучше подход иметь.

— Да, уж тут был подход! — Среди товарищей маленького храбреца пробежал смешок.

— Подкрались мы к окопу, как всегда, по-пластунски, бесшумно, беззвучно, безмолвно, неслышно... Ракета взлетит, — затаимся, лежим тихо, как земля. Ракета погаснет, — опять двинемся. И вот окоп. И вижу, стоит у пулемета, держась за гашетки, не солдат, а великан. Очень большой человек. А лицо усталое, вид задумчивый. Или мне это так при голубом свете ракеты показалось.

Вначале взяла меня робость. Как это я на такого богатыря кинусь? Не могу ни приподняться, ни набрать сил для прыжка... А наши ждут. Сигналят мне. Дергают за пятку: «Давай-давай, Иван, сроки пропустим, смена придет».

И тут меня словно осенило: «Ишь, старый- то он какой! Ведь по годам-то мне дедушка. И задумался-то, наверно, о внучатах». Эта мысль меня подтолкнула — кинулся я к нему на шею бесстрашно, как внучек к дедушке. Обнял, душу в объятиях, а сам шепчу: «Майн гросфатер! Майн либе гросфатер!» — и так, знаете, он до того растерялся, что пальцы от гашеток пулемета отнял, а меня не бьет и не отцепляет, а машет руками, как сумасшедший, совсем зря...

— Он теперь еще здесь, недалеко, в штабе полка, руками размахивает, — сказал жилистый разведчик. — Вы поговорите с ним, как он об Ване вспоминает. «Всю жизнь, мол, ему буду благодарен, он, говорит, меня от страха перед русскими спас!» Фашисты его запугали, будто мы пленных терзаем и все такое...

— Часы Ване в подарок навязывал за свое спасение. Ему бы на передовой в первый же час нашего наступления капут, это он понимал.

— Нужны мне его часы, фрицевские. Мне командир свои подарил за этот случай. Вот они, наши, советские.

И маленький разведчик, закатав рукав шинели, показал мне прекрасные золотые часы и, приложив к уху, стал слушать их звонкий ход, довольно улыбаясь. Таким и запомнился он мне, этот храбрец из храбрецов.

Так, в поисках самого храброго встретил я самого доброго солдата на свете — Ваню Санатова.

Другие славились счетом убитых врагов, а солдат- мальчик прославился счетом живых. Многих чужих отцов вытащил он из пекла войны, под свист пуль, при свете сторожевых ракет, рискуя своей жизнью.